

9.10. Заключение под стражу и домашний арест: теоретико-правовой анализ применения

DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-308-317

©Ильин Данила Владимирович

НО Московская коллегия адвокатов «Единство Солидарность», г.Москва, Россия

peter.rajkovsky@gmail.com

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительно-правового анализа применения мер пресечения в виде содержания под стражей и домашнего ареста. Обе эти меры представляют собой формы изоляции от общества подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в уголовном процессе. Так, заключение под стражу в качестве меры пресечения, по общему правилу, применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований статьи 89 УПК РФ.

При этом домашний арест наряду с заключением под стражу отнесен к мерам пресечения, ограничивающим свободу. По пресекающим последствиям эти меры идентичны. Однако это обстоятельство зачастую не учитывается судом. Этот вывод подкрепляется статистикой, свидетельствующей о низком уровне применения домашнего ареста.

В статье исследуется эволюция правовой регламентации и применения заключения под стражу и домашнего ареста. Делается вывод об исторической преемственности как позитивного, так и негативного опыта.

В частности, прослежено использование заключения под стражу в качестве средства воздействия для получения «нужных показаний», карательной меры, что не вытекает из ее сущности. К сожалению, такая практика существует и в настоящее время, что подтверждается приведенными в статье примерами.

Исследуются концептуальные аспекты применения заключения под стражу и домашнего ареста как альтернативы изоляции от общества. Формулируются и обосновываются предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на минимизацию злоупотреблений при назначении и исполнении процессуальных мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, меры пресечения, домашний арест, заключение под стражу, изоляция от общества, применение, исполнение, злоупотребления, принуждение к даче показаний.

Для цитирования: Ильин Д.В. Заключение под стражу и домашний арест: теоретико-правовой анализ применения // Проблемы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. №4. С. 308-317. DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-308-317

Detention and Home Arrest: Theoretical and Legal Analysis of the Application

DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-308-317

©Ilin Danila Vladimirovich

Moscow bar Association "unity of solidarity", Moscow, Russia

peter.rajkovsky@gmail.com

Abstract

The article presents the results of a comparative legal analysis of the use of preventive measures in the form of detention and home arrest. Both of these measures are forms of isolation from society of suspects, accused persons, and defendants in criminal proceedings. Thus, detention as a preventive measure, as a general rule, is applied by a court decision against a suspect or accused of committing crimes for which the criminal law provides for a penalty of imprisonment for a term of more than three years, if it is impossible to apply another, more lenient, preventive measure. When choosing a preventive measure in the form of detention, the judge's decision must specify the specific, factual circumstances on the basis of which the judge made such a decision. Such circumstances may not be data that has not been verified during the court session, in particular the results of operational search activities, submitted in violation of the requirements of Article 89 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

At the same time, house arrest, along with detention, is classified as a preventive measure that restricts freedom. These measures are identical in terms of preventing consequences. However, this circumstance is often not taken into account by the court. This conclusion is supported by statistics showing a low level of use of home arrest.

The article examines the evolution of the legal regulation and application of detention and home arrest. The conclusion is made about the historical continuity of both positive and negative experiences.

In particular, the use of detention as a means of influence to obtain "necessary evidence", a punitive measure, which does not follow from its essence, is traced. Unfortunately, this practice still exists today, as confirmed by the examples given in the article.

The article examines the conceptual aspects of the use of detention and home arrest as an alternative to isolation from society. Proposals for amendments to the criminal procedure legislation aimed at minimizing abuses in the appointment and execution of procedural preventive measures in the form of detention and home arrest are formulated and justified.

Keywords: *measures of procedural coercion, preventive measures, home arrest, detention, isolation from society, application, execution, abuse, coercion to give evidence.*

For citation: *Ilin D.V. Detention and Home Arrest: Theoretical and Legal Analysis of the Application // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. №4. Pp. 308-317. (in Russ.). DOI: 10.33693/2072-3164-2021-14-4-308-317*

Введение

Отношения по поводу реализации уголовной ответственности имеют динамическую конструкцию, т.е. предполагают определенный процесс по привлечению к ней виновных лиц. Разумеется, эту виновность необходимо доказать с помощью предусмотренных законодательством процедур и средств. Очевидно и то, что в условиях состязательного процесса закономерно противостоятся противодействию установлению истины по делу, выражающееся в оказании давления на свидетелей, иных участников судопроизводства, уничтожении или фальсификации доказательств, сокрытии имущества от возможной компенсации ущерба. Во избежание этих действий, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд обеспечительных мер – мер пресечения, наиболее строгой (правоограничивающей) из которых выступает заключение под стражу. Строгость данной меры состоит в изоляции от общества лица, который еще не признан судом виновным в совершении преступления, из которой вытекает целый ряд ограничений прав: на свободное передвижение, выбор места жительства, распоряжение своим временем, родом занятий и т.п. В определенных законом случаях это действительно оправдано задачами обеспечения доказывания, установления истины по делу, безопасности процессуальных субъектов и иных лиц, сохранности имущества (денежных средств), на которые может быть обращено взыскание и т.д.

Однако строгость данной меры имеет и другую сторону. Ее правоограничительный (в определенной мере – репрессивный) характер дает возможность применять ее в противоправных целях, в частности, для принуждения к показаниям, в том числе и ложным, выгодным следствию. К сожалению, относительная легкость (исходя из имеющейся практики) применения этой меры, дает почву для злоупотреблений со стороны представителей следствия, дознания, прокуратуры, суда. Такие явления имеют глубокие исторические корни, восходят к временам, когда процесс носил выраженный розыскной характер, а судьба подсудимого целиком и полностью зависела от облеченных властью чиновников, проводящих расследование. Мотивы таких злоупотреблений могут быть различными: от желания выслужиться, получить поощрение, быстрее закрыть «сложное» дело, до ложно понятых интересов правосудия. Последнее ярко выражает фраза киногероя советского

периода: «Вор должен сидеть в тюрьме». При этом доказанность вины воспринимается как досадная и фактически ненужная деталь. Встречаются и случаи шантажа, вымогательства и даже применения пыток со стороны должностных лиц¹.

Нужно учесть, что помимо законных ограничений существуют и фактические обстоятельства, существенно ухудшающие положение лиц, заключенных под стражу. Это и не всегда отвечающие минимальным стандартам обращения с заключенными² условия содержания, связанные с превышением лимита содержания в камерах, нарушением санитарных норм, правил раздельного размещения заключенных (в частности, отграничения больных от здоровых, изоляции лиц, склонных к агрессии и насилию и т.п.). Разумеется, эти условия не создаются специально, но их наличие может осознанно использоваться как дополнительный и весьма весомый фактор давления на подсудимого или его родственников и близких. В литературе по этому поводу отмечается, что отсутствие четких (процессуальных и уголовно-правовых) критериев законности применения определенных мероприятий в работе подразделений УИС позволяет расширительно применять термин «пытка» и его производные при оценке состояния соблюдения прав человека в условиях как предварительного заключения, так и исполнения наказания. В частности, в оборот прочно вошел термин «пыточные условия содержания»³.

Следует сказать, что уголовно-процессуальное законодательство предусматривает альтернативу заключению под стражу как основанной на изоляции от общества обеспечительной меры пресечения – домашний арест. Однако применение этой меры не демонстрирует высокой динамики. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 году домашний арест назначался 3133 раза, а в 2020 – 3564. Интенсивность же применения заключения под стражу в указанные периоды в разы выше, что наглядно демонстрирует предпочтительность данной меры: в 2015 – 140457, а в 2020 – 84917⁴.

Сказанное свидетельствует о необходимости сравнительного анализа указанных мер как в ретроспективе, так и на современном этапе.

¹ См.: Дворянсков И.В. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2003. № 4. С. 19-21.

² См.: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года //

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml. Дата обращения: 26.05.2021.

³ См.: Дворянсков И.В. Пытка и иное жестокое или унижающее достоинство обращение с заключенными: методологические аспекты криминализации // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2004. №1. С. 36-43.

⁴ См.: Данные судебной статистики за 2015 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>; Данные судебной статистики за 2020 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>. Дата обращения: 26.05.2021.

Ретроспективный анализ применения заключения под стражу и домашнего ареста

Следует сказать, что заключение под стражу издревле применялось в судопроизводстве. Причем, как правило, сопровождалось пытками. Так, ст. 34 Судебника 1497 г. содержала указание пытать татя (вора, грабителя) «бесхитростно». Это входило в функции специального должностного лица – «недельщика», который осуществлял вызов в суд сторон, арест, пытку обвиняемых. По сути, частично он являлся аналогом современного следователя, дознавателя и оперативного работника. Недельщик подчинялся непосредственно суду, решением которого предоставлялся истцу для помощи в отыскании ответчика и обеспечения его явки⁵. Правда, существовали нормы, ограничивающие произвол. По Судебнику 1550 г. признавались незаконными арест и наложение оков на лиц, нуждавшихся в поручительстве, без решения городского приказчика, выполнявшего судебные обязанности, и присутствовавших на суде наместника в качестве представителей посада, а также дворского, старосты и целовальников - представителей уездного дворянства. Если родственники арестованных предьявляли судебным представителям жалобу на незаконный арест, арестованный освобождался последними под поручительство родственников (ст. 70). Таким образом, поручительство обеспечивало права и интересы обвиняемого. Характеристику этой меры можно найти у М.Ф. Владимирского-Буданова, который писал, что человек, которого заковывают, терпит унижение, которое отражается и на роде его. Тем более при этом возникает предположение, что «родичи не хотели помочь родственнику. Родичи могли не знать, что поручительство требуется. С другой стороны, они, не выручивши родственника в свое время, могли заявлять претензию после...»⁶. При этом в литературе отмечается, что арест лица был непосредственно связан с опасностью для его здоровья и даже жизни как при его осуществлении недельщиком или его помощниками, так и в ходе его отбывания. Санкцией за незаконный арест являлась выплата арестованному наместниками и волостелями, виновными в этом деянии, «бесчестья» (денежного штрафа), определяемого в зависимости от сословной и служебной принадлежности, и возмещение нанесенного ущерба в двойном размере⁷. В период правления Петра I принцип состязательности процесса был заменен розыском, иначе говоря, расследованием, осуществляемым специальными государственными чиновниками. интересы личности были существенно ущемлены. Лучшим доказательством стало считаться

признание, а пытка была законным способом его получения⁸. применение пытки следователями считалось вполне допустимым для получения признания, которое признавалось лучшим доказательством⁹.

Лишь к середине XIX века в российском законодательстве стали появляться зачатки процессуальных гарантий для участников уголовного судопроизводства, правда, с заметным перекосом в пользу государственных чиновников. Так, неоправданно мягко наказывались незаконное задержание или заключение под стражу, а также принуждение к даче показаний, умышленное затягивание производства следствия. За основные (неквалифицированные) составы этих деяний предусматривался лишь выговор или строгий выговор¹⁰.

Гораздо более строго карались истязания и жестокость, проявленные к подсудимым, – заключением в тюрьме на срок от шести месяцев до одного года или лишением некоторых особых прав и преимуществ. Наиболее существенной гарантией от чиновничьего произвола выступала норма, содержащаяся в ст. 462 Уложения, согласно которой «за причинение чиновником или иным лицом, состоящим в службе государственной или общественной при отправлении должности своей кому-либо с намерением и без явной необходимости¹¹, ран или увечья», виновный подвергался ссылке на каторжные работы сроком от восьми до десяти лет.

О преступлениях и проступках чиновников полиции говорилось особо – в отделении третьем гл. 11 Уложения, что может свидетельствовать о многочисленных фактах и опасном характере злоупотреблений и превышения полномочий, совершаемых этими должностными лицами.

В советский период ситуация с обеспечением прав процессуальных субъектов ухудшилась, а заключение под стражу зачастую производилось необоснованно, особенно по так называемым «политическим статьям». Следственные изоляторы НКВД мало чем отличались от средневековых застенков. А поскольку лучшим доказательством (*regina probationum*), по словам Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского, считалось собственное признание, для его выбивания применялись самые изощренные пытки, приводившие подчас к смертельному исходу¹².

Участие адвокатов в процессе было формальным, их речи больше походили на обвинительные, апеллировали к мудрой политике советского государства, нередко переполнялись чувством возмущения преступлениями подзащитных¹³.

⁵ См.: Дворянсков И.В., Друзин А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / отв. ред. И.А. Исаев. М.: 4-й филиал Воениздата, 2002. С. 24.

⁶ Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 154.

⁷ См.: Дворянсков И.В., Друзин А.И., Чучаев А.И. Указ. соч. С. 27.

⁸ Глава шестая «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (процессуального кодекса петровской эпохи) полностью была посвящена регламентации «распроса с пристрастием» и пытки. Для применения последней было достаточно подозрения и нежелания ответчика признаться в инкриминируемом деянии. Тяжесть пытки определял сам суд, при этом не было нормы, содержащей сколь-нибудь определенные основания для такого усмотрения. См.: Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 445-447.

⁹ По ст. 3 «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (март 1715 г.) после признания подсудимого судебное след-

ствие прекращалось и осуществлялся переход к вынесению приговора, поскольку истина считалась достигнутой. См.: Российское законодательство... Т.4. М., 1986. С. 436.

¹⁰ В ст. 377 Уложения 1845 г. наказание за незаконное заключение под стражу дифференцировалось в зависимости от того, имелись ли для такого процессуального действия «достойные уважения причины».

¹¹ Данная оговорка, на наш взгляд, оставляла чиновникам возможность оправдать посягательства на личность «производственной необходимостью», что являлось недостатком рассматриваемой нормы.

¹² А.Я. Вышинский неоднократно подчеркивал, что объяснения обвиняемых играют роль «важнейших, решающих доказательств». См., например: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1945. С. 209.

¹³ См.: Корнешов Л. Драма 38-го года // Человек и закон. 1989. № 3. С. 51.

Ситуация стала меняться лишь к началу 60-х годов прошлого века. В 1960 г. принимаются новые УК РСФСР и УПК РСФСР, в 1964 г. – ГПК РСФСР. Их разработка была продиктована исторической необходимостью смены государственных приоритетов в области судебной политики. В целом процессуальные отношения были регламентированы более четко и детально, что позволяло точнее определить границы правомерного поведения и правонарушений в сфере правосудия, а также выработать дополнительные критерии классификации последних по степени общественной опасности на преступления и процессуальные нарушения.

Вместе с тем проблема незаконных арестов, так называемой «карательной психиатрии», когда неудобных власти лиц без предъявления какого-либо обвинения помещали в психиатрический стационар, существовала на протяжении всего советского периода отечественной истории.

История домашнего ареста как альтернативы заключению под стражей в нашей стране не столь богатая. В Российской империи он был закреплён лишь в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. и «Уставе уголовного судопроизводства» 1864 г. Применялся он, как правило, к дворянам и чиновникам по усмотрению суда или административного органа (в дисциплинарном порядке) в случае обвинения в преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. В Советском Союзе домашний арест был регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом (УПК) РСФСР 1923 года, однако в УПК РСФСР 1960 года данная мера пресечения была исключена¹⁴.

Сравнительный анализ правовой регламентации и применения заключения под стражу и домашнего ареста в современный период

В первую очередь, необходимо отметить, что и заключение под стражу, и домашний арест отнесены законом к мерам пресечения, сопряженным с изоляцией от общества. И в этом смысле они абсолютно равноправны.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Превентивная составляющая домашнего ареста состоит из ограничений и (или) запретов (в частности, покидать определенное помещение (здание, участок территории), общаться с некоторыми лицами устно, письменно и по средствам связи), устанавливаемых в целях обеспечения надлежащего поведения подозреваемого/обвиняемого, а также осуществления за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

При формулировании содержания запретов, устанавливаемых в рамках домашнего ареста законодатель

прибегает к ссылочной норме, указывая, что суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может установить ряд предусмотренные п. 3 - 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

По пресекающим последствиям заключение под стражу и домашний арест идентичны, что зачастую не учитывается судом. Кроме того, сроки обеих процессуальных мер засчитываются при определении размера наказания в виде лишения свободы.

Однако данное обстоятельство далеко не всегда учитывается в реальной судебной практике. Этот вывод подкрепляется приведенной выше статистикой, свидетельствующей о низком уровне применения домашнего ареста.

По общему правилу заключение под стражу применяется только как исключение и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно. Так, в ст. 108 УПК РФ говорится, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет *при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения*. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований статьи 89 настоящего Кодекса. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из следующих обстоятельств.

Это же находит подтверждение в руководящих разъяснениях Верховного Суда РФ. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 г. Москва 19 декабря 2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г. № 23 и от 11 июня 2020 г. № 7)¹⁵.

Ограничения прав и свобод, – говорится в постановлении, – могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. При разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам исходя из презумпции невиновности следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер

под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г. № 23 и от 11 июня 2020 г. № 7) // <https://www.vsrf.ru/documents/own/8379/>. Дата обращения: 26.05.2021.

¹⁴ См.: Трунова, Л. Домашний арест как мера пресечения // LawMix.ru. URL: <http://www.lawmix.ru>. Дата обращения: 26.05.2021.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 г. Москва 19 декабря 2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения

процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности.

Продление заключения под стражу также осуществляется, если невозможен домашний арест, что также должно быть аргументировано судом: у человека нет жилья, он обвиняется в преступлении против личности, представляет угрозу для окружающих или самого себя и т.п.

В п. 3 того же Постановления Пленума ВС РФ указано, что исходя из положений ст. 97 УПК РФ ни одна из мер пресечения, в том числе мера пресечения в виде заключения под стражу, не может быть избрана, если в ходе судебного заседания не будут установлены достаточные данные полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от предварительного следствия, либо может продолжить заниматься преступной деятельностью, либо может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Эти положения суд обязан учитывать и при продлении срока содержания под стражей. В данном случае никаких конкретных данных и доказательств наличия вышеперечисленных данных суду следователем не представлялось и в суде не исследовалось.

Соответственно, в постановлении должны быть указаны конкретные причины применения этой меры. К сожалению, эти требования далеко не всегда соблюдаются в судебной практике.

Продление заключения под стражу также осуществляется, если невозможен домашний арест, что также должно быть аргументировано судом: у человека нет жилья, он обвиняется в преступлении против личности, представляет угрозу для окружающих или самого себя и т.п.

В п. 3 того же Постановления Пленума ВС РФ указано, что исходя из положений ст. 97 УПК РФ ни одна из мер пресечения, в том числе мера пресечения в виде заключения под стражу, не может быть избрана, если в ходе судебного заседания не будут установлены достаточные данные полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от предварительного следствия, либо может продолжить заниматься преступной деятельностью, либо может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Эти положения суд обязан учитывать и при продлении срока содержания под стражей. В данном случае никаких конкретных данных и доказательств наличия вышеперечисленных данных суду следователем не представлялось и в суде не исследовалось.

Кроме того, Пленум обязывает суды иметь в виду, что наличие таких данных еще не свидетельствует о необходимости применения к лицу самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу. Решая вопрос об избрании меры пресечения и о продлении срока ее действия, суд обязан в каждом случае обсудить возможность применения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления любой категории иной, более мягкой, чем заключение под стражу, меры пресечения, вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по уголовному делу (п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 7).

Суды же зачастую формально подходят к такому обоснованию, не раскрывая конкретных причин (мотивов) принятия решения о заключении под стражу.

В качестве примера приведем дело об избрании меры пресечения гражданину К., находившееся в производстве Басманного суда г. Москвы. В постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении этой меры в отношении обвиняемого К. суд указал, что «орган предварительного следствия имеет достаточные основания полагать (не указывая их), что обвиняемый, являясь активным участником организованной преступной группы, в отсутствие меры пресечения в виде заключения под стражу, осознавая тяжесть совершенного преступления, может в любое время скрыться от органов предварительного следствия и суда, как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, в том числе используя безвизовые отношения между Россией и рядом других стран, принять меры к сокрытию следов совершенных преступлений, уничтожению предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и не изъятых следствием, установить контакт с другими соучастниками, в том числе – объявленными в международный розыск, выработать совместно с ними общую позицию по противодействию расследованию, а также, используя личные сложившиеся взаимоотношения, оказать воздействие на свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в целях дачи ими заведомо ложных показаний или отказа от показаний, а равно иным образом воспрепятствовать производству по делу». При этом следствие и суд не учли и не указали, как именно К. сможет все это сделать, находясь под домашним арестом и под круглосуточным контролем его поведения с помощью системы электронного мониторинга ФСИН России.

Очевидно, что приведенная аргументация в целом воспроизводит общие основания избрания меры пресечения вообще (ст. 97 УПК РФ) и заключения под стражу, в частности (ст. 108 УПК РФ), что дает почву для версии о формальном подходе к избранию данной меры. Одновременно, не приводится доказательств невозможности применения домашнего ареста в качестве альтернативы.

Еще одной чертой необоснованного судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, является предположительный характер выводов о наличии оснований такого избрания. Вместе с тем, это должны быть проверенные в судебном заседании доказательства.

Защита К. не согласилась с судебным решением о сохранении ему меры пресечения в виде содержания под стражей.

Суд рассмотрел три ходатайства следствия о продлении стражи К., А. и Х. в одном заседании. Это допустимо только при условии индивидуального исследования обстоятельств, имеющих значение для принятия решения о мере пресечения. В описательно-мотивировочной части постановления, вынесенного в отношении нескольких обвиняемых, следует излагать мотивы принятого решения в отношении каждого из них, чего в данном случае суд не сделал, тем самым нарушил право каждого из них на объективное судебное разбирательство (п. 30 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41). Это является самостоятельным основанием для отмены обжалуемого решения.

В данном случае суд вообще не рассматривал возможность для избрания иной меры пресечения К., ограничившись дежурной фразой, что таковой возможности нет.

При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания обвиняемых под стражей суду следует проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного окончания расследования, в этих целях обращать внимание на то, соблюдены ли следователем (дознателем) требования, предъявляемые к такому ходатайству, перечисленные в ч. 8 ст. 109 УПК РФ. В случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам необходимости выполнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах, суду надлежит выяснять причины, по которым они не были произведены. Если причина, по мнению суда, заключается в неэффективной организации расследования, это может явиться одним из обстоятельств, влекущих отказ в удовлетворении ходатайства. В таких случаях суд вправе реагировать на выявленные нарушения путем вынесения частных постановлений (п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41).

В период с момента последнего продления срока содержания под стражей с обвиняемым К. проводился только один допрос, да и то не об обстоятельствах его деяний по существу предъявленного обвинения, а о применённых к нему пытках и насилии с целью заставить дать «признательные» показания в том, чего он на самом деле не совершал.

Так, 11.02.2021 К., находящийся в СИЗО с участием защиты был допрошен следователем в качестве обвиняемого о применяемых к нему пытках. В ходе допроса, копию протокола которого следствие отказалось представить защите для её последующего обозрения в суде, К. показал, что во время содержания в ИВС он подвергался мучениям с целью «выбить» из него «признательные» показания в том, чего он не совершал. Согласно показаниям К., после судебного решения о заключении под стражу он не был переведен в СИЗО, а продолжил содержаться в ИВС еще 11 суток, а всего 13 суток. Не менее 5 раз приходили оперативные работники и шантажировали его. Также К. было заявлено, что в местах лишения свободы у него, по указанию оперативников, будут вымогать деньги и имущество. После отказа К. оговаривать себя, к нему в камеру поместили провокатора З., который, выдавая себя за авторитетного вора и «смотрящего на зоне», угрожал ему изнасилованием, избиением, какими-то «пресс-хатами», лишением сна и при этом действительно не давал спать, требовал написать самооговор под видом досудебного соглашения.

Вместе с тем, сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого

под стражей. Решение суда о продлении срока содержания под стражей должно основываться на фактических данных, подтверждающих необходимость сохранения этой меры пресечения (ст. 97, 99 УПК РФ) (п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 7).

Апелляционная инстанция не стала учитывать, что заключение под стражу и домашний арест отнесены Постановлением Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41 к мерам пресечения, ограничивающим свободу, то есть к лишению свободы (3 абзац вводной части Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41). И по пресекающим поведенческие действия лица последствиям эти меры идентичны. Продление срока содержания под стражей возможно, только если невозможен домашний арест: у человека нет дома, он обвиняется за преступления против личности и может убить домашних, может навредить себе самому и т.п. Но в данном случае эти обстоятельства отсутствуют. Суд ошибочно посчитал меру пресечения в виде домашнего ареста, о чем ходатайствовала защита и сам обвиняемый, – «нахождением на свободе». При этом суд не указал, как именно К. сможет «скрыться», «уничтожить», «оказывать воздействие», «воспрепятствовать», находясь под домашним арестом и под круглосуточным контролем его поведения ФСИН России.

В ст. 244 УПК РФ предусмотрено соблюдение равенства сторон в судебном разбирательстве. В судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства.

Состязательный принцип судопроизводства, установленный ст. 15 УПК РФ, гласит, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, в том числе на судью (Постановление КС РФ от 29.06.2004 № 13-П)¹⁶. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Норма п. 1 ч. 8 109 УПК РФ не предполагает избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания обвиняемого под стражей. Она не лишает обвиняемого и его защитника права в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство об отмене или изменении данной меры пресечения и не препятствует суду принять соответствующее решение (Определение КС РФ от 06.06.2003 № 184-О¹⁷ и Определение КС РФ от 19.03.2009 № 271-О-О)¹⁸.

¹⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 26.05.2021.

¹⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2003 № 184-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Евстафьева Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части восьмой статьи 109 УПК Российской Федерации» // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06062003-n-184-o-ob/>. Дата обращения: 26.05.2021.

Федерации» // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06062003-n-184-o-ob/>. Дата обращения: 26.05.2021.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 271-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рудакова Юрия Игнатьевича на нарушение его конституционных прав положениями частей четвертой, седьмой и восьмой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1691151/>. Дата обращения: 26.05.2021.

При отказе в ходатайстве защиты о применении меры пресечения в виде домашнего ареста, суд не учел, что в рамках этой меры лицо не может лично или через других лиц совершать действия, направленные на избежание привлечения его и других соучастников к уголовной ответственности, не может уничтожать доказательства преступной деятельности, сбор которых продолжается, а также не может иным образом препятствовать производству по уголовному делу, скрыться от следствия и суда.

Причины необоснованного применения заключения под стражу и возможные пути их устранения

Следователи и дознаватели, как показывает практика зачастую используют заключение под стражу не как обеспечительную, а как репрессивную меру, позволяющую оказывать давление на подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в целях получения от них «нужных» показаний. Это косвенно подтверждается формальной мотивацией избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, отсутствием конкретных доводов в пользу избрания этой меры.

Хотя ч. 3 ст. 108 УПК РФ содержит прямое требование о том, что в постановлении о возбуждении ходатайства излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу и невозможно избрание иной меры пресечения. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства.

Очевидно, что, находясь под стражей, лицо является наименее беззащитным и практически полностью зависимым от работников следствия, дознания, должностных лиц учреждения, в котором оно содержится. Это дает возможность оказывать на него всевозможное давление – от психологического насилия, до применения физических мер воздействия, пыток, жестокого, унижающего человеческое достоинство форм обращения. При этом, такое воздействие отнюдь не является самоцелью. Заключение под стражу используется в подобных случаях как инструмент «выбивания» показаний (как само по себе, так и посредством применения незаконных мер воздействия).

В отличие от аналога в виде домашнего ареста, заключение под стражу – это самая строгая мера пресечения, сочетающая в себе сразу несколько «карательных» элементов, как прямых, так и косвенных.

Прямые: лишение свободы, ограничение социальных связей, в том числе – с родственниками и близкими, ограничения, налагаемые режимом (ПВР СИЗО).

Косвенные: возможность оказания давления на лицо, в том числе посредством физического и психологического воздействия: пытки (пыточные условия содержания, переводы из камеры в камеру, частые и необоснованные обыски, лишение сна, шантаж, недопуск родных и близких, адвоката под разными предлогами, частые допросы без видимой цели,

Причиной необоснованного назначения заключения

под стражу является и то, что суды неправильно определяют правовую природу домашнего ареста, относя его к мерам, не связанным с изоляцией от общества, поскольку он также, как и заключение под стражу лишает лицо возможности воспрепятствовать предварительному и судебному расследованию обстоятельств дела.

Заключение под стражу в целях принуждения к даче показаний может, в зависимости от обстоятельств дела содержать составы преступления: Незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ), Принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ).

Думается, что частому применению этой меры способствует императивный характер формулировки ч. 1 ст. 108 УПК РФ: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения *применяется* по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения». В этой связи целесообразно сформулировать данное положение как дискреционное: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения *может применяться* по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения».

Кроме того, определенную превентивную роль может выполнять положение, содержащее предупреждение об ответственности за незаконное заключение под стражу. В этой связи ст. 108 УПК РФ может быть дополнена ч. 13¹ следующего содержания: «Возбуждение ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения, а также принятие решение о применении этой меры, совершенные в нарушении требований настоящего Кодекса, влекут предусмотренную законом ответственность».

Вывод

Подводя итог сказанному, отметим, что Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо для достижения определенных законом целей и в установленном порядке. С учетом этого мера пресечения в виде заключения под стражу применяется как исключение и только в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно. Представляется, что судебное решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости, допустимости, достоверности и достаточности или обстоятельствами, не подлежащими доказыванию (ст. 55, 59-61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году, и одобрены Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml. Дата обращения: 26.05.2021.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 г. Москва 19 декабря 2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 мая 2016 г. № 23 и от 11 июня 2020 г. № 7) // <https://www.vsr.ru/documents/own/8379/>. Дата обращения: 26.05.2021.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС КонсультантПлюс. Дата обращения: 26.05.2021.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2003 № 184-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Евстафьева Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части восьмой статьи 109 УПК Российской Федерации» // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konsti-tutionnogo-suda-rf-ot-06062003-n-184-o-ob/>. Дата обращения: 26.05.2021.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 271-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рудакова Юрия Игнатьевича на нарушение его конституционных прав положениями частей четвертой, седьмой и восьмой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1691151/>. Дата обращения: 26.05.2021.
6. Данные судебной статистики за 2015 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>; Данные судебной статистики за 2020 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>. Дата обр.: 26.05.2021.
7. Дворянсков И.В. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2003. № 4. С. 19-21.
8. Дворянсков И.В. Пытка и иное жестокое или унижающее достоинство обращение с заключенными: методологические аспекты криминализации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. №1. С. 36-43.
9. Дворянсков И.В., Друзин А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / отв. ред. И.А. Исаев. М.: 4-й филиал Воениздата, 2002. 150 с.
10. Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. М., 1985. 520 с.
11. Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. М., 1986. 512 с.
12. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1945. 220 с.
13. Корнешов Л. Драма 38-го года // Человек и закон. 1989. № 3. С. 35-60.
14. Трунова, Л. Домашний арест как мера пресечения // LawMix.ru. URL: <http://www.lawmix.ru>. Дата обращения: 26.05.2021.

References:

1. Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners. Adopted at the first United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held in Geneva in 1955, and endorsed by the Economic and Social Council in its resolutions 663 C (XXIV) of July 31, 1957 and 2076 (LXII) dated May 13, 1977 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml. Date of access: 05/26/2021.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41, Moscow, December 19, 2013 "On the practice of application by courts of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions" (as amended, by the resolutions of the Plenum dated May 24, 2016 No. 23 and dated June 11, 2020 No. 7) // <https://www.vsr.ru/documents/own/8379/>. Date of access: 05/26/2021.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004 No. 13-P "In the case of checking the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Shock Duma" // SPS ConsultantPlus. Date of access: 05/26/2021.
4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.2003 No. 184-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Aleksey Vladimirovich Evstafiev on violation of his constitutional rights by paragraph 1 of part eight of Article 109 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konsti-tutionnogo-suda-rf-ot-06062003-n-184-o-ob/>. Date of access: 05/26/2021.
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2009 No. 271-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Rudakov Yuri Ignatievich on violation of his constitutional rights by the provisions of parts four, seven and eight of Article 109 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Russian Federation" // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1691151/>. Date of access: 05/26/2021.
6. Data of judicial statistics for 2015 // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>; Judicial statistics data for 2020 // <http://www.cdep.ru/index.php?Id=79&item=5671>. Date of sample: 26.05.2021.
7. Dvoryanskov I.V. Criminal liability for torture and other inhuman or degrading treatment of prisoners // Criminal law. 2003. No. 4. S. 19-21.
8. Dvoryanskov I.V. Torture and other cruel or degrading treatment of prisoners: methodological aspects of criminalization // Bulletin of the penal system. 2004. No. 1. S. 36-43.
9. Dvoryanskov I.V., Druzin A.I., Chuchaev A.I. Criminal law protection of the administration of justice (historical and legal research) / отв. ed. I.A. Isaev. Moscow: 4th branch of the Military Publishing House, 2002. 150 p.
10. Russian legislation of the X-XX centuries. T. 2.M., 1985.520 p.
11. Russian legislation of the X-XX centuries. T. 4.M., 1986.512 p.
12. Vyshinsky A.Ya. The theory of forensic evidence in Soviet law. M., 1945.220 p.
13. Korneshov L. Drama in '38 // Man and Law. 1989. No. 3. S. 35-60.
14. Trunova, L. House arrest as a measure of suppression // LawMix.ru. URL: <http://www.lawmix.ru>. Date of access: 05/26/2021.

Рецензия

на статью «Заключение под стражу и домашний арест: теоретико-правовой анализ применения»

Актуальность темы рецензируемой статьи обусловлена высокой социальной значимостью проблемы обеспечения законности при применении таких мер процессуального принуждения как заключение под стражу и домашний арест. К сожалению, в этой сфере далеко не всегда торжествует законность. Регулярно появляется информация о резонансных уголовных делах, по которым избирается мера пресечения, связанная с изоляцией от общества. Зачастую по надуманным поводам и основаниям. На слуху недавнее дело И. Голунова, по которому путем подброса наркотиков были сфальсифицированы такие основания. В итоге сами инициаторы таких незаконных действий оказались на скамье подсудимых. Увы, не все подобные факты становятся достоянием общественности, поэтому многие ни в чем не повинные люди становятся жертвами желания нерадивых сотрудников правоохранительных органов выслужиться, получить повышение по службе, заработать себе репутацию такой высокой ценой.

Статья Д. Ильина не носит характер праздного теоретизирования. Будучи действующим адвокатом, он не раз в своей практике сталкивался с фактами нарушения законности при избрании и применении заключения под стражей. Он отмечает, что зачастую, эта мера становится инструментом выбивания «нужных» показаний, оказания силового воздействия на подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, а также их родственников и близких.

В своем исследовании он проводит ретроспективный анализ, выявляя предпосылки указанного явления, а также изучает современное положение дел в этой сфере. В частности, прослежено использование заключения под стражу в качестве средства воздействия для получения «нужных показаний», карательной меры, что не вытекает из ее сущности. К сожалению, такая практика существует и в настоящее время, что подтверждается приведенными в статье примерами.

Исследуются концептуальные аспекты применения заключения под стражу и домашнего ареста как альтернативы изоляции от общества. Формулируются и обосновываются предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на минимизацию злоупотреблений при назначении и исполнении процессуальных мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста.

Статья представляет собой самостоятельное, характеризующееся новизной и оригинальностью научное исследование. Анализ статьи свидетельствует, что она отвечает требованиям научности, достоверности, самостоятельности и новизны полученных выводов. Это дает основание рекомендовать ее к изданию.

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор И.В.Дворянсков

Отзыв

на статью Д.В. Ильина «Заключение под стражу и домашний арест: теоретико-правовой анализ применения»

Статья Д.В. Ильина посвящена не теряющей актуальность для отечественной уголовно-процессуальной науки теме. Проблематика применения мер, связанных с изоляцией подозреваемых, обвиняемых, подсудимых является актуальной ввиду стремления законодателя к гуманизации уголовно-процессуального закона и поиску инструментов, идентичных по своей эффективности с заключением под стражу с точки зрения достижения их целей, но имеющих менее репрессивную направленность.

Структурно, статья Д.В. Ильина состоит из аннотации, списка ключевых слов, введения, трех тематических разделов, содержащих историко-правовой, сравнительно-правовой и критический аспекты анализа заявленной проблематики, заключения и библиографического списка.

В современных условиях на фоне общей тенденции к усилению гарантий прав и свобод личности наблюдается, тем не менее, упрощение уголовно-процессуальных механизмов, существенное сокращение народного представительства в судах, увеличение количества арестованных судами лиц, удлинение сроков задержания и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, низкая эффективность судебного контроля за применением в ходе расследования преступлений меры пресечения в виде заключения под стражу. Во введении исследования Д.В. Ильиным дается в целом правильная политическая и правовая оценка данным явлениям.

Далее автором дается краткий исторический экскурс для уяснения читателем репрессивной природы заключения под стражу, как меры пресечения. В рамках историко-правового анализа, автором проводится выборочное исследование, в ходе которого охватываются законодательные памятники различных периодов становления российской государственности (Великое княжество Московское, Российская империя, РСФСР). Отмечается о сравнительно небогатой истории домашнего ареста как альтернативы заключения под стражу. Делается вывод об исторической преемственности как позитивного, так и негативного опыта сравниваемых мер пресечения.

Далее, Д.В. Ильиным проводится сравнительный анализ современного состояния правовой регламентации и применения заключения под стражу и домашнего ареста.

Весьма справедливыми представляются выводы автора о том, что несмотря на идентичный характер пресекающих последствий, статистика применения домашнего ареста в отечественной судебной практике значительно ниже заключения под стражу.

Рассуждая о вопросе о месте домашнего ареста в отечественном уголовном процессе, автор проводит сравнительный анализ названной меры с заключением под стражу по различным критериям: степени ограничения свободы передвижения; видам и степени запретов, связанных с ограничением получения информации; правовым последствиям нарушения обвиняемым своих обязанностей; категориям преступлений и порядку избрания. Отсюда констатируется, что домашний арест в системе мер пресечения занимает особое место. С одной стороны, он существенно ограничивает конституционные права подозреваемого, обвиняемого, на что указывает исключительность судебного решения при избрании данной меры. С другой стороны, домашний арест - гуманная мера, позволяющая содержать подозреваемого, обвиняемого в условиях «мягкой» изоляции, что дает возможность последним наиболее полно реализовать свои права на досудебном производстве.

Позиция исследователя об исключительности меры пресечения в виде заключения под стражу подкрепляется формулировками, используемыми в тексте уголовно-процессуального закона, а также, в документах, отражающих позиции высшего судебного органа Российской Федерации.

Заслуживает внимание мнение Д.В. Ильина о том, исключительность меры пресечения в виде заключения под стражу, должна подтверждаться в суде каждый раз при ее избрании и продлении. Однако, на практике суды зачастую формально

подходят к такому обоснованию, не раскрывая конкретных причин (мотивов) принятия решения о заключении под стражу. В обосновании такой позиции, автором приводятся конкретные примеры из отечественной судебной практики.

На основе анализа доктринальных основ, а также эмпирического материала, автором выявляются причины необоснованного применения меры пресечения в виде заключения под стражу и предлагаются возможные пути их решения.

Следует согласиться с позицией автора о том, что строгость меры пресечения в виде заключения под стражу, а также, относительная легкость в ее применении, открывает ее потенциал для неправомерного использования органами предварительного расследования (принуждение к показаниям, в том числе, ложным, выгодным следствию). Это косвенно подтверждается формальной мотивацией избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, отсутствием конкретных доводов в пользу избрания этой меры.

Автор отмечает очевидность того факта, что, находясь под стражей, лицо является наименее беззащитным и практически полностью зависимым от работников следствия, дознания, должностных лиц учреждения, в котором оно содержится. Это дает возможность оказывать на него всевозможное давление – от психологического насилия, до применения физических мер воздействия, пыток, жестокого, унижающего человеческое достоинство форм обращения. При этом, такое воздействие отнюдь не является самоцелью. Заключение под стражу используется в подобных случаях как инструмент «выбивания» показаний (как само по себе, так и посредством применения незаконных мер воздействия).

В обосновании своей позиции об исключительном репрессивном потенциале заключения под стражу, автор предлагает классификацию карательных элементов данной меры пресечения, подразумевая в ней две группы: прямые (лишение свободы, ограничение социальных связей, в том числе – с родственниками и близкими, ограничения, налагаемые режимом (ПВР СИЗО)) и косвенные (возможность оказания давления на лицо, в том числе посредством физического и психологического воздействия: пытки (пыточные условия содержания, переводы из камеры в камеру, частые и необоснованные обыски, лишение сна, шантаж, недопуск родных и близких, адвоката под разными предлогами, частые допросы без видимой цели).

Весьма интересным представляется предложение автора о дополнении УПК РФ частью 131 следующего содержания: «Возбуждение ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения, а также принятие решение о применении этой меры, совершенные в нарушении требований настоящего Кодекса, влекут предусмотренную законом ответственность».

В заключении автором подводятся итоги проведенного исследования, формулируются общие выводы.

Библиографический список состоит из нормативно-правовых актов, эмпирического материала, научной и учебной литературы и электронных источников. Всего в списке представлено 14 наименований.

В целом, оценивая исследование Д.В. Ильина считаем, что автором произведена серьезная научная работа при подготовке и написании представленной на отзыв статьи. Использование общенаучных методов познания, таких как системный метод познания правовых явлений и диалектический метод, а также, совокупность частнонаучных методов (историко-правовой, сравнительно-правовой, статистического наблюдения и др.) позволил автору всесторонне подойти к рассмотрению заявленной проблематики.

К достоинствам проведенного исследования можно отнести то, что автор собрал и осмыслил достаточно обширную эмпирическую базу, материалы судебной практики, использовал результаты исследований других авторов, что позволило Д.В. Ильину обосновать сформулированные им в работе научные положения, выводы и рекомендации.

Указав на очевидные достоинства проведенного Д.В. Ильиным исследования, следует отметить, что в нем присутствует ряд недостатков и дискуссионных моментов.

1. Несмотря на весьма последовательный анализ материалов судебной практики, автором не даются сноски на соответствующие судебные решения (с. 14, 15-17).

2. Представляется, что в исследовании автор уделяет недостаточно внимания проблематике ограничений и запретов, связанных с избранием меры пресечения в виде домашнего ареста. Именно поэтому, в целом верный вывод автора о равноправности ограничительного воздействия заключения под стражу и домашнего ареста, представляется недостаточно аргументированным в контексте представленного на отзыв исследования.

Вышеизложенные замечания носят дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку работы. Статья имеет исследовательский характер, написана хорошим литературным языком. Стиль изложения материала характеризуется смысловой законченностью, целостностью и связностью. Название статьи соответствует её содержанию и научной специальности 12.00.09 – «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность». Изложение статьи и выводы хорошо аргументированы.

Таким образом, по результатам отзыва следует сделать вывод о соответствии статьи Д.В. Ильина «Заключение под стражу и домашний арест: теоретико-правовой анализ применения» требованиям, предъявляемым ВАК при Минобрнауки и рекомендовать к публикации в рецензируемых научных изданиях.

д-р юрид. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Серебренникова А.В.

Статья прошла проверку системой «Антиплагиат»; оригинальность текста – 82,35%

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильин Данила Владимирович, адвокат, канд. юрид. наук, пенсионер МВД РФ, полковник полиции, место работы: НО Московская коллегия адвокатов «Единство Солидарность», адрес: 125009 г. Москва, Газетный пер., д. 3-5 стр. 1, тел. +7 (903) 965-05-94, email: peter.rajkovsky@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ilin Danila Vladimirovich, lawyer, Cand.Sci.(Law), retired from the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, police Colonel, place of work: No. Moscow bar Association "unity of solidarity", address: 125009 Moscow, Gazetny per., 3-5 bldg. 1, tel. +7 (903) 965-05-94, e-mail: peter.rajkovsky@gmail.com